

Екатерина
Каретникова

Штурман пятого моря

Екатерина Каретникова Штурман пятого моря

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8056412

*Штурман пятого моря: Молодёжная романтическая повесть/ Каретникова Е.А.: Аквилегия-М;
Москва; 2014
ISBN 978-5-905730-23-8*

Аннотация

Если полгода преследуют неудачи, если парень, который нравится больше всех на свете, исчезает в самый трудный момент, если сестра твердит, что ты наивная и некрасивая, можно ли не разучиться верить людям?

Если все случайности складываются против тебя, если девчонка, которую считаешь самой лучшей, уверена, что ты – предатель, если минута слабости оборачивается месяцами глухой тоски, можно ли вернуться в прежнюю беззаботную жизнь?

У героев повести будет время найти ответы на эти вопросы. И каждый из них выберет свой путь. Путь друг к другу.

Для читателей старше 12 лет.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	6
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Екатерина Каретникова

Штурман пятого моря

Глава 1

Ключ бесшумно повернулся. Ника подёргал дужку замка. Она не поддалась. Вот и всё: сарай заперт, моторка ждёт. Ника засунул ключ под плоский камень у двери и поправил налобный фонарик. Свет, лившийся узкой полосой, выхватил из темноты дощатые мостки с железными перилами. Придерживаясь за перила, Ника побрёл к краю.

Моторка покачивалась на мелких волнах. Ника перебрался с мостков в лодку и стянул с головы фонарик. Теперь он ему не понадобится. У моторки свои огни.

Он в последний раз оглянулся на тёмный сарай, перевёл дыхание и включил двигатель. Тот заурчал мощно и ровно.

Моторка плавно отошла от мостков и повернула на север. Туда, где шуршала волнами большая вода.

* * *

За свои четырнадцать лет Ника видел четыре моря. Четыре самых настоящих моря, и в каждом из них вода была особенной.

В Чёрном – сине-зелёной, прозрачной, тёплой даже на взгляд, с парашютиками медуз и стайками рыб, кружащими у причала. Ближе всего к бетонной стене подплывали остроносые тёмные мальки. Они резвились у поверхности, хватали семечки и крошки батона. Чуть глубже держались рыбки покрупнее, их спины отливали красным огнём. А у дна, почти касаясь песка, проносились странные длинные рыбы-тени с растопыренными передними плавниками. В эту воду сразу хотелось нырнуть и плавать долго-долго, пока глаза не покраснеют от солёных брызг и плечи не заноют от непривычной усталости.

Белое море встретило Нику тёмной глубокой синевой, ослепительно блестящей на северном солнце. Катер качался на острых волнах. На горизонте то и дело выныривали чёрные острова, окутанные белёсым туманом. У берега лениво извивались длинные гирлянды водорослей, под ними белели камни. Заходить в такую воду Ника не решился. На каменистом пляжике он медленно закатал рукава рубашки и окунул в море руки. Пальцы сразу же свело, будто сотни ледяных иголок впились в кожу.

Балтийское море Ника видел серым, изрезанным гребнями волн. На воде вспенивались белые бурунчики, взлетали, рассыпались брызгами и разбивались о камни. Камней было много. Они высывались среди волн то округлыми макушками, то плоско срезанными гребнями, а иногда едва просвечивали сквозь мутную пену. Чтобы искупаться, нужно было долго идти по щиколотку в холодной воде, огибая скользкие камни и подпрыгивая, когда очередная волна летела к берегу. На плаву Ника продержался минуты две. Волной его накрыло целиком, он захлебнулся, долго откашливался и тряс головой, потому что в уши затекла вода. Если бы не это, он, наверное, покачался бы на волнах, как остальные, но в ушах противно шуршало, и прыгать не хотелось. Хотелось закутаться в махровое полотенце и выпить обжигающего чая из термоса.

Японское море показалось Нике самым зелёным. Оно было холоднее, чем Чёрное, но и в нем у причала сверкали гладкими спинами рыбы. Сквозь кристально прозрачную воду Ника разглядывал песчаное дно и не мог определить глубину. Купаться Нике не довелось:

не было времени. Но пройти босиком по кромке воды он всё-таки успел. И почувствовать, как от соли защипала каждая крохотная царапинка, – тоже.

* * *

Ни на одном море ему не было страшно. А здесь Ника чувствовал, что ещё чуть-чуть, и он не сможет не то что двигаться, но и думать ни о чём другом, кроме того, как добраться до берега.

«Это паника, – повторял себе Ника. – Просто глупая паника. На самом деле ничего страшного нет!» Ведь перед ним даже не море, а самое обыкновенное озеро. Ну пусть не совсем обыкновенное, пусть огромное и очень глубокое. Так ведь не в этом же месте. Это где-то там, далеко, за много-много километров, где не видно ни клочка суши. А здесь, Ника знает, не так уж и глубоко и рядом полно островов. До любого из них на моторке – минут пятнадцать хода малой скоростью.

Значит, бояться нечего. Нужно просто плыть, спокойно, медленно, не сворачивая с намеченного курса. Вернее, как сказали бы моряки, не плыть, а идти. Идти туда, где светятся огни. И знать, что в любой момент можно вернуться обратно. Когда Ника думал об этом, страх отпуская. Пусть не до конца, но всё-таки руки слушались и почти не дрожали, сердце стучало в груди, а не под горлом, и даже как будто становилось чуть-чуть теплее. Хотя, вообще-то, Ника здорово замёрз. Он не подозревал, что поздним летним вечером на воде будет так холодно.

Честно говоря, он много чего не подозревал. И того, что в этой части озера то и дело проносятся катера, от которых расходятся мощные волны, раскачивающие его моторку так, что вода едва не перехлёстывает за борт. И того, что на небе соберутся лохматые дождевые тучи. И что темнота вокруг подступит близко-близко.

Правда, у Никиной моторки были бортовые огни – зелёный и красный. А ещё небольшой, но яркий фонарь на задней скамейке. Если бы не они, Ника, наверное, потерялся бы в этих пасмурных сумерках. С огнями он, по крайней мере, мог не бояться, что кто-то не заметит его и врежется в маленькую моторку на полной скорости. Вернее, не очень сильно бояться.

Ника застегнул молнию ветровки до подбородка и прибавил скорость. До цели ему оставалось пройти километр, не больше. А потом будет нужно найти укромное местечко, чтобы не попасться на глаза береговой охране, опустить якорь и ждать, пока издали не покажется, сияя иллюминацией, огромный теплоход. И вот тогда...

Тогда, Ника думал, всё решится.

Если бы он не струсил, то всё могло решиться гораздо раньше. И не пришлось бы придумывать этот план, казавшийся даже лучшему другу совершенно фантастическим. И раскаты на моторке тёмную воду, дрожа от холода, тоже не пришлось бы.

Но теперь что об этом говорить? Поздно. Или Ника сделает то, на что решился, или навсегда останется тем, кем казался себе все последние месяцы... А этого Нике не то что не хотелось – он просто не мог с этим жить.

Глава 2

Палуба качнулась плавно, почти незаметно, но Алька взвизгнула и обеими руками ухватилась за поручень.

– Ты что? – удивилась Света. – Боишься?

Алька дёрнула плечом и фальшиво улыбнулась:

– Вот ещё! Просто туфли скользкие.

Света посмотрела на Алькины туфли – новые, светло-бежевые на высоких остреньких каблуках.

– Может, переобуешься?

– Да ну, – фыркнула Алька. – Я хочу быть красивой. Это ты всегда в кроссовках.

Света подумала, что не всегда, а только последние полгода, с тех пор как с правой ноги сняли швы. Если она обуется в туфли, то через пять минут ступни мучительно заноют и придётся ковылять по теплоходу, пошатываясь и то и дело хватаясь за леера. Какая уж тут красота? Но напоминать об этом не хотелось. Да и вообще ворошить ту историю было до сих пор как-то... Не то что страшно, но неприятно и почему-то стыдно. Хотя Света и не сделала тогда ничего плохого. Просто она была счастливой и глупой. И забыла обо всём на свете.

Правда, потом случилось ещё кое-что, после чего между ней и Алькой как будто натянулась невидимая плёнка. Внешне вроде бы всё оставалось по-прежнему, но на самом деле Света чувствовала: Алька никогда не будет ей доверять. Как когда-то. Когда деревья были большими, а взрослые могли защитить от любой беды.

– А на экскурсию завтра ты тоже в этих туфлях пойдёшь? – поинтересовалась Света, прогоняя грустные мысли.

– Конечно, – кивнула Алька. – Тем более что придётся надевать длинную юбку. В юбке и без каблуков только старушки гуляют.

– Значит, я – старушка?

Алька убрала руки с леера и аккуратно поправила воротник блузки. Блузка была дорогая, из нового магазина. Розовые и серебристые полосы на белом фоне переливались под солнечными лучами так, что слепило глаза.

– Ты – не старушка, – уверенно заявила она. – Просто тебе всё равно. А мне – нет.

Света вздохнула. Вроде бы и ничего особенного в Алькиных словах не было, но Света почувствовала, что ещё чуть-чуть – и заплачет. В последнее время Алька часто говорила такое, от чего Света казалась себе... Как бы это объяснить? Неправильной, что ли? Старомодной, никому не нужной и до смешного глупой. Иногда после таких слов Света убегала куда-нибудь и давилась слезами. Но спорить или что-нибудь объяснять Альке она бы не решилась. Потому что, во-первых, Алька была старше на год. Пятнадцать лет – это вам не четырнадцать. Во-вторых, она давно жила совсем по другим правилам. Например, могла не вернуться домой в десять вечера и даже не позвонить матери. Или выкраситься в платиновую блондинку. Или взять на пару дней норковый полушубок у взрослой подружки-соседки. У Светы никогда не было взрослых подружек. И в-третьих... Света знала, что Алька до сих пор считает её виноватой.

– Пойдём на корму? – предложила Света, изо всех сил стараясь скрыть обиду.

Алька снисходительно кивнула и взяла её под руку.

На корме стояли круглые пластиковые столы с креслицами и две длинные скамьи.

Алька плюхнулась на скамью.

– А тут ничего, – заметила она, покрутив головой. – Удобно. И так симпатичненько.

– И ветра нет, – добавила Света. – Вот на носу нас бы сдуло!

– А давай на нос сходим? – предложила Алька. – Встанем там, раскинем руки и будем играть в морских птиц. Только переоденемся. У тебя куртка есть?

Иногда она любила изображать маленькую девочку. Свете это казалось глупым, но она ни за что не призналась бы Альке, что в такие моменты стесняется её.

– Конечно.

– А у меня плащ. Пошли в каюту, возьмём.

– Иди, – улыбнулась Света. – Я не замёрзну.

Алька, громко цокая каблуками, направилась к двери, ведущей с открытой палубы в салон.

Света поёрзала в кресле, устраиваясь. Лёгкий ветер пах водой, мокрым песком и немножечко тиной. Так пахнет только вечером на большой реке. Или на озере. Но никогда – в городе. Света подумала, что за последние месяцы почти возненавидела город. Свой родной маленький городок, где все соседи знают друг друга.

За теплоходом тянулся кильватерный след. У самого борта вода бурлила и пенилась, будто в гигантском котле русалки решили сварить уху, но чем дальше от борта, тем меньше становилось пены, а след превращался в две расходящиеся волны.

Монотонно гудели двигатели. Над палубой кружились и кричали откормленные чайки.

Света подумала, что может сидеть здесь одна до самого вечера. И ни о чём не вспоминать. И ничего не бояться. Здесь, на четырёхпалубном теплоходе, никто не посмотрит на неё с презрением, никто не будет шептаться по углам, бросая косые взгляды в её сторону. А ведь она почти привыкла к этому, хотя сначала ей казалось, что такие взгляды прожигают дыры на коже, а от свистящих шепотков мучительно шумит в ушах и она глохнет. Вот только Алька... Алька вряд ли даст ей забыть обо всём.

Алька выплыла из-за стеклянной двери, запахнула джинсовый плащ и процокала к Свете.

– К кругосветному путешествию готова, – дурашливо отрапортовала она.

– Тогда уж – к кругопалубному, – поправила Света.

На корму выбежал мальчик лет пяти в футболке с пучеглазым медведем на груди и в голубых джинсах.

– Мама, – закричал он, – пошли скорей! Там птички!

Следом появилась кудрявая женщина с коричневой сумочкой в руках.

– Зайка, подожди! – попросила она, лихорадочно роясь в сумке. – Маме нужно убрать важную бумажку!

– А чего её убирать? – хихикнул малыш. – Смотри, как тётя важную бумажку носит!

И показал пухлым пальчиком на Свету с Алькой. Женщина обвела девочек непонимающим взглядом и вдруг резко отвернулась. Света услышала короткий сдавленный смешок.

– Зайка, пальцем показывать неприлично! – заявила мать через минуту чуть хриловато, взяла сына за руку и потащила вдоль палубы.

– Ну, мам, – заныл малыш, – там птички!

– Это чайки, – проворчала мать. – Они могут тебе испачкать Мишутку.

– Как?

Каким был ответ, девочки не слышали.

– Да понятно – как, – проворчала Алька. – Слушай, а что они имели в виду? Ну про бумажку какую-то?

– Не знаю, – начала было Света, но посмотрела на Альку и хмыкнула: – Ты где это подцепила?

– Что? – перепугалась Алька.

– На туфельки посмотри!

Алька оглядела носки туфель – чистёхонькие, блестящие как зеркало.

– Да ты на каблук смотри, на правый, – подсказала Света.

Алька опустила на скамью и подняла ногу. На каблуке, около самой набойки, был насажен белый листок бумаги.

– Вот гадость! – брезгливо поморщилась Алька и содрала бумажку. – Где тут урна?

– Перед тобой, – показала Света.

Алька скомкала листок и с размаху бросила, целясь в круглое отверстие для мусора. Но порыв ветра подхватил комок, и вместо урны тот полетел на колени к Свете.

– Спасибо, – засмеялась Света и развернула бумажку. – Ты смотри! Это записка! Представляешь, тебе кто-то её прислал, а ты выкидываешь? И даже не прочитала.

Алька недоверчиво прищурилась.

– Ага, прислал! И на каблук насадил!

– На каблук – это ты сама. А он просто положил к двери каюты, например.

Алька наморщила лоб.

– Слушай, а ведь может быть! – согласилась она, подумав. – Только не к двери, а под дверь подсунул. Снаружи-то пол гладкий, а внутри коврики такой, мягонький. Как раз – наступила на листок и... Погоди, а что в записке?

Света округлила глаза:

– Там такое!

– Какое?

– Даже и читать тебе боюсь!

– Издеваешься? – прищурилась Алька.

– Да нет.

Света внезапно помрачнела. Она подумала, что та история, о которой ей не хотелось вспоминать, началась с такой же глупой шутки. Вдруг у неё просто нет чутья, и она хронически не понимает, когда можно смеяться, а когда из-за шутки может случиться такое, что потом превратится в твой персональный кошмар.

– Там написано: «Приходи в полночь на Солнечную палубу, или никогда меня не увидишь», – прочитала Света.

– Приходи сегодня в полночь на сеновал, – будто про себя пробормотала Алька.

– Что?

– Ну помнишь, в «Формуле любви»?

– А, да, – кивнула Света.

Алька отобрала записку и перечитала сама. В её глазах сверкнуло что-то незнакомое Свете. От этого незнакомого лица Альки стало чужим и надменным. Как будто рядом со Светой вместо двоюродной сестры, с которой они жили бок о бок сто лет, появилась абсолютно взрослая самоуверенная девица. Или даже не девица, а кукла-манекен с застывшим презрением в ледяных глазах.

– Наверное, кто-то пошутил, – пробормотала Света и старательно улыбнулась.

Словно от этой улыбки зависело, поверит Алька в то, что записка чья-то дурацкая шутка, и через минуту забудет о ней или нет. И если поверит, то превратится в прежнюю Альку – пусть иногда и говорившую Свете обидные вещи, но всё-таки привычную и родную. А если нет – навсегда останется фарфоровой куклой с усмешкой Снежной королевы.

Алька странно посмотрела на Свету, но почти сразу расстроено скривила губы и кивнула:

– Скорее всего. Да и ладно. Больно мне это нужно!

И стала обычной Алькой.

– Значит, не пойдёшь? – обрадовалась Света.

Ей почему-то до озноба в кончиках пальцев хотелось, чтобы Алька не ходила.

– Посмотрим, – загадочно усмехнулась Алька. – Я ещё не решила.

Слишком загадочно, чтобы забыть о глупой записке. И Света подумала, что на Солнечную палубу в полночь Алька пойдёт. Причём не одна, а вместе с ней. Потому что одной, хоть она, конечно, и считает себя взрослой, страшно, а вместе – нет. И можно сделать вид, что никого не ждёшь.

Глава 3

Ника посмотрел на часы. Если он рассчитал правильно, теплоход появится минут через десять. Ника крепче вцепился в руль и прибавил скорость. Моторка дёрнулась и, прыгая на волнах, помчалась в тёмную даль. Ника смотрел прямо перед собой. Из-за брызг, перелетавших через ветровое стекло, его куртка покрылась пятнами, особенно на рукавах. Ника подумал, что ещё чуть-чуть, и ткань промокнет насквозь.

– Ну и пусть! – пробормотал он сквозь зубы.

В лицо тоже попадали крупные брызги, Ника щурил глаза и морщился. Из-за этого он не сразу разглядел, что вода вокруг моторки стала темнее, чем была. Сначала Ника решил, что просто сгустились сумерки, но потом понял, что дело не только в этом. В какой-то момент поверхность, по которой скользила моторка, даже показалась ему не водой, а вязкой жижей, потому что лодка пошла медленней, а двигатель загудел громко и натужно. Ника всматривался в чёрную зыбь за бортом и никак не мог понять, в чём дело.

Он попытался прибавить газа, чтобы скорее миновать этот странный участок пути, но двигатель не слушался. Вместо того чтобы взречься, тот чихнул, несколько раз резко дёрнулся и заглох. Ника на мгновение замер. И вдруг понял, почему вода казалась чёрной, а моторка еле ползла по ней. Чтобы окончательно убедиться в страшной догадке, он пододвинулся к борту, поднялся со скамьи и опустил руку. Пальцев коснулась ледяная вода. Но это бы ладно. Повсюду, куда только хватало взгляда, в воде медленно извивались мохнатые чёрные водоросли. Их было так много, что они сливались в единый шевелящийся ковёр.

– Приехали, – ошеломлённо прошептал Ника.

Теперь он точно знал, что двигатель не заведётся, потому что на винт намотались длинные толстые стебли. И хорошо ещё, если он не треснул до того, как Ника остановился.

Ветер подул сильнее, моторка раскачивалась на волнах, а Ника тупо смотрел вдаль. Из темноты, сияя разноцветными огнями, выплывал четырёхпалубный теплоход. Тот самый, к которому так спешил Ника. Но теперь это было уже совсем неважно. В голове вертелся один-единственный вопрос: «Как освободить винт?»

* * *

Теплоход исчез в темноте. Волна, докатившаяся до Никиной моторки, резко подбросила её и умчалась. Как будто и не было никакого теплохода. Как будто всё это приснилось промокнушему от брызг Нике.

Он вдруг подумал, что за последние полчаса мимо не проплыл ни один катер. Может, было уже слишком поздно? Или просто его занесло в такое место, куда ни рыбаки, ни туристы не суются? Правильно, что тут делать...

Ника, придерживаясь руками за борта, подошёл к корме. Наверное, нужно поднять мотор. Втащить его в лодку, размотать водоросли с винта. А потом? Снова опустить двигатель в эту кашу? Если бы Ника точно знал, где начинается чистая вода, он бы, может, и рискнул. Но он не знал. Сюда он плыл, ориентируясь на огни над большим островом. А чтобы вернуться обратно, таких «маячков» не было. Берег, от которого Ника отчалил, был пустынным и тёмным. Почему-то, когда Ника отплывал, ему казалось, что обратная дорога найдётся без труда. Вернее, не так. Он вообще не думал про обратную дорогу.

Гул двигателя Ника слышал издали. Он даже хотел было крикнуть что-нибудь, но решил подождать, пока катер не подойдёт поближе. Потому что кричать было стыдно, да ещё и непонятно – что именно. Помогите? Но ведь Ника не тонет же!

Он ёрзал на задней скамье и ждал.

Звук не приближался. Через несколько минут Нике показалось, что он, наоборот, становится тише. Ника испугался. Уплывёт сейчас по фарватеру, и всё – привет семье. И Ника решился.

– Эй! – позвал он в полсилы. – На катере!

Кажется, так когда-то кричали в каком-то фильме.

Никто не откликнулся.

Тогда Ника откашлялся и заорал во всё горло:

– Лю-ди!

Катер, высокий, бодро плюхающий по волнам, вырулил метрах в двадцати от Ники и остановился.

– Люди рядом, – крикнули оттуда.

Ника радостно замахал руками.

– Здравствуйте!

– Привет! Ты что там делаешь?

– Сижу! – отозвался Ника, с трудом рассмотрев очертания человека на борту.

Человек показался ему очень высоким и худым.

– Ловишь, что ли? – спросил незнакомец.

– Да нет, – качнул головой Ника. – У меня движок заглох.

– Ещё бы! – проворчали с катера. – Тут все глохнут. Трава сплошняком!

– Я уже понял, – признался Ника.

– Давай сюда, на вёслах!

Никому словно подбросило. Как же он сам не догадался? Про вёсла-то? Вот балда!

Ника плюхнулся на среднюю скамью, машинально потянулся к уключинам и вдруг...

– А я забыл, – пробормотал он хрипло и очень тихо.

Но человек с катера услышал.

– Бывает! – ответил Нике и опустил свои вёсла в воду.

Нике стало так стыдно, что даже в горле запершило.

– Троса тоже нет? – поинтересовался человек с катера.

– Нет.

– Дети цивилизации...

Эти слова прозвучали как ругательство, и Ника даже хотел обидеться. Но не успел.

* * *

Подул резкий ветер. Чёрное небо прорезала ослепительная молния. И раздался гром. Если бы Ника сам не услышал его, то ни за что бы не поверил, что такое бывает. Как будто каждая волна издавала оглушительный грохот. Такой, что звенело в ушах, а на глазах выступали слёзы.

Ника охнул и вытер лицо ладонями.

– Держись! – крикнул парень с катера.

Ника только кивнул и вцепился в борта.

Волны за считанные минуты из маленьких и тёмных превратились в высокие гребни с белой пеной наверху. Моторку подбрасывало и качало. Ника с трудом перевёл дыхание и зажмурился.

Если бы сегодня утром он знал, чем закончится день, то, наверное, просто не вышел бы из дома. Сидел бы сейчас один в квартире, слушал бы музыку. Или диск на видике поставил. Со старыми комедиями.

Ведь как было бы здорово! Родители улетели на две недели на Байкал. И денег ему оставили, и продуктов: ешь – не хочу. Чем не счастье?

Так нет. На подвиги потянуло! И всё равно ничего не получилось. Даже не из-за грозы, а из-за каких-то дурацких водорослей. Кому рассказать – смех один.

А может быть, и лучше, что не получилось. Потому что, если честно, план у Ники был уж слишком смелый. И опасный.

Плохо только то, что он так ничего и не сумел исправить...

– Не спи!

Он услышал окрик и открыл глаза.

– Вязать умеешь?

Нике показалось, что от грома человек с катера сошёл с ума.

– Чего? – вытаращился он. – Я что – бабка какая, чтобы вязать?

– Ты —...

Слова утонули в оглушительном раскате.

Когда Ника снова смог слышать, парень с катера уже ни о чём не спрашивал. Он бросил Нике конец троса, и Ника понял – что нужно вязать.

Глава 4

В половине двенадцатого теплоход, медленно переваливаясь на волнах, подошёл к крепости Орешек. В полутьме металась прожектора, освещавшие старые приземистые башни. Лучи света выхватывали то неровную каменную кладку, то клочки островерхих крыш, то пенные гребни воды, налетающие на стены и рассыпающиеся мелкими тёмными брызгами.

Алька запахла плащ и поёжилась.

– Как-то там жутковато, – сказала она.

Света пожала плечами.

– Старые крепости часто мрачные. Но всё равно красивые.

– Не знаю, – покачала головой Алька. – У меня от такой красоты мурашки по коже.

– А так и должно быть! Чтобы кто увидел – сразу не по себе стало. И соваться туда расхотелось. Их же для чего строили? От врагов защищаться.

– Ну да, – согласилась Алька.

Теплоход снова набрал скорость. С каждой минутой очертания крепости становились всё призрачней, пока окончательно не исчезли в сизой дымке. Туристы, собравшиеся на палубе, начали расходиться. Девочки остались одни.

– Ну вот, – вздохнула Света, – все разбежались спать.

– Да уж спать, – покачала головой Алька. – В бар они утопали. Или на дискотеку.

– Может, посмотрим – как там?

– Да ну! – поморщилась Алька. – И так ясно. Сорокалетние тётки скачут под песенки своей юности. «Ласковый май», «Мираж» и Татьяна Овсиенко. Кайф! Я думаю, стоит сходить в другое место.

Она посмотрела на часы и стала серьёзной и опять какой-то слишком взрослой. Только на этот раз не надменной, а слегка испуганной.

– Пять минут осталось. Пойдём?

– Куда это? – состроила непонимающую рожицу Света.

– На Солнечную палубу, – объяснила Алька. – Ночью глупо звучит, правда?

– Ага, ночью её надо называть Лунной.

– Так сегодня и луны нет, – заметила Алька.

Света запрокинула голову. Луны и в самом деле не было. Над теплоходом висела сплошная пелена тёмных облаков. Казалось, ещё чуть-чуть, и с неба посыплются холодные крупные капли, а может, наоборот, ударят о палубу тонкие тёплые струи.

– Дождя боишься? – догадалась Алька.

– Ничего я не боюсь, – помотала головой Света. – Пошли!

Чтобы попасть на верхнюю – Солнечную палубу, нужно было войти в салон и подняться по широкой лесенке с низкими ступенями или, не заходя, вскарабкаться по открытому трапу.

– Опаздываем! – охнула Алька и рванулась к трапу.

Она обеими руками ухватилась за перила и ловко полезла наверх. Но на четвёртой перекладине вскрикнула и остановилась.

– Ты что? – испугалась Света.

– Каблук! – простонала Алька.

– Сломался?

– Зацепился!

Света поднялась на одну перекладину и наклонилась к Алькиным ногам.

Острый каблук застрял в металлической сетке.

– Сними туфлю! – попросила Света.

Алька вытащила ногу и зябко поджала пальцы.

– Ты как обезьянка! – фыркнула Света.

– Почему?

– Они ступню могут в кулак сжать!

– Хватит смеяться! Сделай что-нибудь!

Света ухватила туфлю покрепче и дёрнула.

– Не получается? – запричитала Алька. – Вот вечно со мной что-нибудь случается!

– Подожди, – попросила Света и потихоньку начала раскачивать каблук.

Тот вроде бы поддавался.

– Ты его ломаешь! – пискнула Алька.

– Может, и ломаю, – сквозь зубы процедила Света.

Она ещё раз качнула туфлю и дёрнула на себя. Что-то щёлкнуло, и Алькина остроносая лодочка осталась у неё в руке.

– Всё! – пропыхтела Света. – Давай ногу – я тебя обую.

– Спасибо.

Наступая только на носки, Алька поднялась по трапу до верха. Света вытерла вспотевший лоб платком. Сверху доносилась музыка и топот танцующих ног.

– Человек за бортом! – закричал кто-то тоненько и отчаянно.

Музыка оборвалась. Света застыла. Крик повторился, а через несколько секунд тишину разорвали гулкие удары теплоходного колокола.

– Мамачки! – придушенно охнула Алька, кубарем скатившись вниз.

– Что там? – пролепетала Света.

– Не знаю!

Мимо промчался парень в тельняшке.

– Вы чего тут? – на бегу рявкнул он. Марш в каюту!

Света схватила Альку за рукав плаща и потащила к дверям.

В замочную скважину Алька сумела вставить ключ не сразу. Пальцы тряслись, ключ царапал блестящую пластинку замка.

– Дай мне! – попросила Света.

Алька отмахнулась и всё-таки открыла дверь.

В каюте обе прилипли к окну. На палубе никто так и не появился. Над водой мелькали неясные огни. Но скоро они исчезли и вода слилась с ночной темнотой.

– Ты слышала, что кричали? – спросила Света.

Алька кивнула:

– Человек за бортом.

– Ужас! – судорожно вздохнула Света.

– Ага! А как думаешь, он упал или нарочно прыгнул?

– Зачем прыгнул? – не поняла Света. – Пьяный, что ли?

Алька отрицательно покачала головой, поёжилась и обняла себя за плечи.

– А вдруг это тот, кто писал записку? спросила она свистящим шёпотом. – Из-за меня?

– В смысле? – подскочила Света.

Алька опустила голову и быстро-быстро заговорила:

– Ну я же застряла на трапе и в двенадцать на Солнечную палубу не пришла. А написано было: «Не придёшь – никогда меня не увидишь». Я не появилась, и он решил... Прыгнуть...

Света решительно покачала головой:

– Аль, такого просто не может быть! Это уже клиника какая-то!

– Ну клиника! – согласилась Алька. – А с чего ты взяла, что писал нормальный человек?

Света поморщилась. Вот у Альки фантазия разыгралась!

– Аль, да, может, это вовсе и не тебе записка была! Ну наступила ты на неё где-то – даже неизвестно где. Она может быть кому угодно адресована.

– Да? – мрачно хмыкнула Алька и вытащила аккуратно разглаженный листок бумаги. – А это ты видела?

Света взяла листок в руки. С одной стороны шёл текст, который она читала, а с другой... С другой – чёрной гелевой ручкой было выведено: «Назаровой Александре».

– Ты просто не заметила, – объяснила Алька. – И я тоже не сразу увидела.

– А почему не сказала?

– Почему... – проворчала Алька и болезненно поморщилась. – Не успела.

Света поняла, что та врёт. Причём врёт совершенно глупо, даже не рассчитывая, что ей поверят. Разве много нужно времени, чтобы рассказать такое?

Глава 5

В каюте было прохладно.

– Выключи кондиционер, – попросила Алька.

Она сидела на диванчике-койке, поджав под себя ноги, и яростно нажимала на кнопки телефона. Света смотрела на сестру и пыталась понять, что ей сейчас кажется странным. Ну Алька, ну с мобильником. Почему это выглядит не так, как обычно?

Или просто после бессонной ночи в голову всегда лезут тревожные мысли?

Света повернула тумблер, кондиционер хрюкнул, волна холодного воздуха обдала её в последний раз и иссякла.

– Спасибо, – буркнула Алька.

– Кому звонишь? – спросила Света, устраиваясь напротив сестры.

– Тут позвонишь, – проворчала Алька. – Сети нет.

Света выглянула в окно. Синий настил палубы, белые стойки ограждения и серо-голубая вода до горизонта.

– На Валааме связь появится, – заметила Света. – А здесь – чего ты хочешь? Ладога.

Алька положила мобильник на стол и потёрла глаза.

– Зачем мы в такую рань поднялись? До завтрака полтора часа.

Света вздохнула.

Она не понимала, зачем задавать вопросы, ответы на которые и так известны им обоим. Встали раньше шести, потому что спать не было никакой возможности. После того, что случилось вчера ночью, ни она, ни Алька так и не смогли заснуть по-настоящему. Ворочались на своих койках, вздыхали, украдкой поглядывая на экраны телефонов – долго ли до утра. Да ещё эта гроза! Как в час ночи началась, так только к трём утихла. Вот и вскочили ни свет ни заря.

Мобильник на столе дёрнулся и тоненько звякнул.

– Сети, говоришь, нет? – хмыкнула Алька, схватив телефон. – А эсэмэска прошла.

– В шесть утра? От кого? – удивилась Света.

– Не от кого, а кому, – поправила Алька. – Это я её отправила.

– И кому? – послушно повторила Света.

Алька сверкнула глазами и нервно рассмеялась:

– Да какая тебе разница? Телефона жалко? Забирай!

И бросила серебристый аппаратик на Светину койку. Света вздрогнула, посмотрела на телефон, застрявший в складках одеяла, и вдруг поняла, что казалось ей неправильным, когда Алька держала его в руках. Это был её, Светин, мобильник, а не Алькин.

– Ты отправила эсэмэску с моего телефона? – мрачно спросила она.

– С твоего!

Алька вызывающе выпятила подбородок:

– А что?

– Кому ты её отправила?

– Это моя маленькая тайна! – выдала Алька и снова рассмеялась.

Смех прозвучал глухо и быстро затих.

Света вытащила телефон из одеяла и дрожащими пальцами полезла в меню. Папка исходящих сообщений была пуста.

Света отбросила мобильник так, что тот стукнулся о стенку и свалился на пол.

– Кому ты послала эсэмэску? – спросила она звенящим, готовым вот-вот сорваться, голосом.

Алька лениво потянулась и широко зевнула.

– Да не дёргайся ты! – процедила она через минуту. – Маме я написала. Маме! У меня на симке деньги кончились. И нечего так хлопать ресницами – взлетишь. Ты же не хочешь, чтобы моя мама волновалась, правда?

Последнюю фразу она произнесла вкрадчивым полушёпотом, а потом подмигнула Свете.

– Правда! – с вызовом ответила Света и подняла телефон с пола.

– Значит, всё! – подытожила Алька, вытягивая ноги на койке.

Света промолчала. Ей очень бы хотелось, чтобы на этом действительно закончились все недоразумения между ними. Если бы Алька сказала правду... Если бы раз за разом не намекала на то, что Света виновата перед ней на веки вечные... И перестала истерически смеяться и многозначительно подмигивать. Только что-то непохоже было, чтобы Алька перестала.

* * *

Сок оказался слишком сладким. Света поморщилась и отодвинула стакан.

– Не хочешь? – спросила Алька, ковыряя вилкой кусок остывшего омлета. – А я выпью.

– У тебя – апельсиновый, – кивнула Света, – он, наверное, нормальный. А этот «мультифрут» – сироп какой-то!

– А я предупреждала, – с непонятным энтузиазмом пропела Алька, – я предупреждала! Ты же никогда не слушаешь. И кашу геркулесовую тут лучше не брать. Весь рот исцарапаешь.

Света зачерпнула ложкой жидкую кашу и попробовала.

– Да вроде ничего.

– Значит, случилось чудо! – фыркнула Алька. – Вчера её есть было невозможно. Хотя тут сплошные чудеса!

– Ты о чём? – насторожилась Света.

Алька допила сок и поёжилась.

– А ты не догадываешься? По мне, так после того, что вчера было, все должны говорить только об этом. А народ лопаёт, как будто ничего не случилось.

Света обвела взглядом зал ресторана. За соседними столиками лениво завтракали, ни у кого не сверкали глаза, никто не делился взахлёб тревожными новостями. Уж кто-кто, а Света знала, как выглядят люди, которым есть о чём поговорить. Или пошептаться, украдкой оглядываясь по сторонам, облизывая пересохшие от любопытства губы.

Единственной, кто казался не совсем спокойным, была кудрявая женщина, которую Света видела вчера. У неё на щеках и шее горели красные пятна, а кудри торчали во все стороны, будто она забыла причесаться. Женщина кормила сынишку йогуртом. Рядом с ними за столом сидел ещё один мальчик, постарше. Он был такой же кудрявый, как мама, и такой же курносый, как малыш. Его ни капельки не интересовала еда. Похоже было, что мальчик завтракать вообще не собирается. Каша остывала в его тарелке, а он доставал из подставки салфетку за салфеткой и складывал из них кораблики. Около него уже стояло два парусника и один парходик.

Но маме было не до того, потому что младший мальчик всхлипывал и требовал, чтобы вокруг перестало гудеть и чтобы йогурт был вишнёвым, а не просто сливочным.

– Зайка, гудят двигатели, – ласково объясняла кудрявая мамочка. – Их никак нельзя выключить. А то теплоход остановится. И вишнёвый йогурт тебе нельзя. От него у тебя выступит диатез! Кушай сливочный.

– Никто у меня не выступит! – мотал головой малыш. – Мишутка тоже хочет с вишней.

Мама сунула малышу в рот очередную ложку и наконец посмотрела на старшего сына.

– А ты что? В гроб меня вогнать хочешь? Мало того, что вчера на весь теплоход опозорил, так ещё и сегодня... Как я теперь людям в глаза буду смотреть?

Она безнадежно махнула рукой и снова повернулась к младшему.

– Мишутка хочет с вишенкой! – упрямо твердил тот.

– Мишутка ничего не хочет, – пробормотала Света. – Он нарисованный.

Алька хихикнула.

– Пойди, объясни ему, – ехидно предложила она. – То-то мамаша тебе спасибо скажет! Наконец кто-то откроет её сыну глаза на правду! Ты же это любишь! Скажи малышу, что его Мишутка не может любить йогурт, потому что он не живой.

Света почувствовала, что краснеет.

– Ну зачем ты? – тихо спросила она.

– Что «зачем»? – вскинулась Алка. – Правду сказала? Конечно, говорить правду решено только тебе. Неприятно, да? А ты, когда болтаешь, думаешь – приятно это кому-нибудь или нет?

Алька вспыхнула, будто спичка, которая ждёт: ну вот сейчас ею чиркнут по коробку и из тонкой деревянной щепки она превратится в яркую обжигающую каплю огня и проживет свою коротенькую, но ослепительную жизнь. Ждёт минуту, две, день, неделю... И уже вроде бы привыкает к этому ожиданию, вроде бы смиряется с ним. Но стоит приблизиться коробку с коричневой полосой серы, как каждая секунда ожидания превращается в непереносимую вечность. И спичка загорается ярче всех спичек на земле.

Света опустила голову.

– Ты думала, что со мной мать сделает, когда про Валерку узнает? – выкрикнула Алка звонким голосом. – Думала?

Она пылала словно от температуры, и даже капельки пота над губой выступили.

– Но мама же ничего с тобой не сделала, – прошептала Света, прикрывая щёки ладонями.

– Ага!

Алька кивнула так резко, что заколка у неё на затылке расстегнулась и свалилась под стол. Светлые волосы мгновенно рассыпались по плечам, и Алка стала похожа на русалку.

– Это ты называешь – ничего? Отправила меня с тобой на этом теплоходе, а сама там...

– Что сама? – просипела Света, поперхнувшись воздухом.

– А ты не понимаешь? Уж она устроит, чтобы мы с Валеркой больше не увиделись.

Света с силой вытолкнула воздух, застрявший в горле.

– Аль, я не могла ей не рассказать. Ты – моя двоюродная сестра. А Валерка...

Алька забросила волосы за спину и сцепила руки в замок.

– Ну, договаривай, раз начала.

– Валерка – подлый. Понимаешь?

– Ты просто завидовала нам! – медленно проговорила Алка. – Вот и всё! Ладно, проехали. Я тебя ещё перед отъездом простила.

Она криво улыбнулась Свете и юркнула под стол поднимать заколку.

Света провела ложкой по застывшему геркулесу и осторожно огляделась по сторонам. Нет, никто не обратил внимания на их короткий разговор. Света перевела дыхание и зачерпнула кашу.

Есть не хотелось совершенно.

Глава 6

Света обернулась. Тропка, по которой она сюда пришла, исчезала под густыми еловыми ветками.

Света сделала ещё пару шагов и остановилась. Перед ней открылась маленькая поляна. Скошенная трава под ногами, высокие деревья вокруг и заросший мхом валун посередине. Вершина валуна была плоской, засыпанной пожелтевшими сосновыми иглами. Света погладила серо-зелёный шершавый бок камня и осторожно присела прямо на подстилку из иголок. Она думала, что хвоинки начнут колоться через тонкую ткань юбки, но на самом деле совсем их не почувствовала.

Света поглубже вдохнула пахнувший сеном и соснами воздух и закрыла глаза. Ей хотелось плакать, но она решила, что не будет. Ни за что. Да, у неё опять разболелась нога. В самый неподходящий момент, когда экскурсия «Скиты Валаама» только началась и группа прошла каких-то полкилометра. Да, было ужасно обидно. Света изо всех сил старалась не хромать и ковыляла в своих кроссовках позади весёлой толпы, а Алька порхала в остроносых лодочках, то обгоняя экскурсовода, то возвращаясь к Свете, и торопила её, и ворчала, не понимая, почему сестра всё время отстаёт. В конце концов Света сдалась и, еле сдерживаясь, попросила Альку идти с группой, а её оставить.

– Как это? – возмутилась Алька. – Ты что, будешь одна бродить по лесу?

– Да не по лесу, – объяснила Света. – Я просто вернусь на теплоход.

– Почему?

– Мне нужно. Очень.

Алька округлила глаза.

– Да зачем нужно-то?

Наверное, Света сказала бы правду. Но это если бы не было их разговора за завтраком. А так... Ни к чему Альке знать, что она – почти инвалид. И вообще, пожаловаться Света могла бы только самому близкому человеку. А раз Алька до сих пор считает её чуть ли не врагом, то и рассказывать о своих бедах ей нет смысла. Зачем? Чтобы при случае поиздевалась?

– Мне должны позвонить, а я забыла телефон в каюте, – сквозь зубы процедила Света.

Она не любила лгать, и это у неё очень плохо получалось. Наверное, потому что опыта не хватало.

– Кто?

– Одноклассница.

– Ну и перезвонит тебе потом твоя одноклассница.

– Нет, она сегодня улетает с родителями в Испанию. На месяц.

Алька с сомнением посмотрела на сестру.

– Тебе так важно пожелать ей счастливого пути?

– Да, важно! – кивнула Света. – Она моя лучшая подруга.

– Ирка, что ли? – хмыкнула Алька. – Ну-ну!

– Не Ирка, а Иришка, – поправила Света.

Иришку Ольшанскую Алька знала и не любила. Света подозревала, что просто завидовала тому, что её родители могли себе и дочке позволить такое, о чём Алька и мечтать не смела.

– А ты не заблудишься? – поинтересовалась Алька, вдруг вспомнив, что она как-никак старшая.

Света раздражённо дёрнула плечом:

– Где? Мы же всё время шли по дороге. Ну свернули два раза. И вообще, у меня карта есть.

– И тебе что, совсем неинтересно? С Ирккой потрепаться интересней?

Алька всё-таки не хотела оставлять её одну.

– Ага, – кивнула Света, чувствуя, что нога будто горит в огне. – Ты иди, а я вернусь.

– Ну смотри.

Алька пожала плечами и умчалась догонять группу.

А Света, уже не сдерживаясь, захромала по дороге в гордом одиночестве. Возвращаться на теплоход сил не было, и она решила свернуть на первую попавшуюся тропинку, найти укромный уголок и отдохнуть. Вернее, дать отдохнуть несчастной ноге.

Валун, на котором сидела Света, всё-таки оказался не самым удобным местом для отдыха. Не слишком ровным, влажным и довольно холодным. Света медленно вытянула разболевшуюся ногу, потом согнула её в колене и снова вытянула. От этих движений боль стала острее, но потом притупилась и затихла. Света подумала, что через несколько минут сможет встать и потихоньку возвращаться к пристани.

За деревьями слышались чьи-то шаги и голоса. Света вынула из сумки телефон и быстро начала нажимать на кнопки. Пусть те, кто сейчас выйдут на поляну, думают, что она решила кому-то позвонить, спрятавшись от чужих ушей. Это же так понятно, когда девушка одна сидит на поляне, в стороне от дороги, по которой ходят туристические группы, и разговаривает по мобильнику. Удивляться нечему. А вот если она останется сидеть просто так, сразу обратят внимание. Да ещё спрашивать начнут, не заблудилась ли она или не надо ли ей чем-нибудь помочь. А Света прекрасно помнит дорогу, и помощь ей ничья не нужна.

Когда на поляне появились люди, Света быстро посмотрела в их сторону и снова наклонилась над телефоном. Она узнала кудрявую мамочку и двух сыновей. Младшего, в футболке с медведем, и старшего, курносого любителя бумажных корабликов. Мама вела малыша за руку. Тот вертел головой и что-то напевал. А старший шёл рядом и мрачно глядел под ноги.

– Владик, – говорила женщина так, будто вот-вот её голос сорвётся на крик. – Ты должен объяснить, зачем это сделал! Понимаешь, должен! Иначе я...

– Мам, я не могу тебе сказать. Это тайна, – грустно ответил Владик.

– Ах тайна! – возмутилась женщина.

Л ты знаешь, что из-за этой тайны на нас могли в суд подать? Или потребовать огромный штраф?

– Мам, ну не потребовали же! И в суд они не подадут. Капитан же сказал...

– Нечего подслушивать разговоры взрослых! – оборвала сына мать. – И всё равно мне ты объяснить должен! Иначе я не знаю, что с тобой сделаю! Я... Я папе позвоню.

Курносый Владик засопел и остановился. Наверное, обещание позвонить папе показалось ему достаточно серьёзной угрозой. Серьёзней штрафа или суда.

– Мама, я это сделал из-за своего друга.

– Что?! Какого друга? Зачем это хоть одному разумному человеку могло понадобиться? Твой друг – ненормальный?

Владик засопел громче, но на вопрос не ответил. Зато малыш перестал напевать и радостно запрыгал.

– Мама, – закричал он. – Я знаю этого друга!

– Ты, – пробормотал Владик срывающимся голосом, – маленький предатель!

– Я не маленький! – гордо ответил братишка. – И не предатель! Я никому ничего не скажу. Как обещал.

– Смерти вы моей хотите! – всхлипнула мама.

– Неправда! – заорали братья хором.

И все трое исчезли с поляны.

Света убрала мобильник. Зря она старалась. На неё даже и не посмотрел никто. Только малыш, перед тем как скрыться за деревьями, робко улыбнулся и помахал рукой, будто знакомой.

Нога вроде бы прошла, но возвращаться на теплоход Свете не хотелось. Времени до обеда полно. Можно посидеть одной и подумать.

Интересно, что натворил курносый Владик? Из-за чего его мама в таком ужасе? А малыш – славный. И ведь правда не предатель. Хотя... Как же трудно иногда разобраться, предаёшь ты человека или, наоборот, спасаешь, когда рассказываешь о его тайне. Свете казалось, что она спасла Альку. А вот Алька была уверена, что сестра её предала. Но разве Света могла молчать, после того... Ну да, после того, что случилось с ней самой. Сколько времени прошло с тех пор? Полгода? Или чуть-чуть больше?

Глава 7

«Я тебя люблю», – читала Света раз за разом. И пусть это был просто статус на Валериной страничке «ВКонтакте», пусть увидеть эту фразу мог любой из друзей, пусть каждая знакомая девчонка могла подумать, что это её он любит! Света знала – Валерка написал ей и только ей. Потому что иначе просто и быть не могло. Ведь вчера он сказал: «Завтра ты всё узнаешь...» Завтра наступило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.